

НАТАЛИЯ ОСМИНСКАЯ*

ТЕОРИЯ КАТЕГОРИЙ В ТРАКТАТЕ ДЖОРДЖА ДАЛЬГАРНО «ИСКУССТВО ЗНАКОВ»**

Аннотация: В статье рассматриваются логические и эпистемологические основания проекта универсального философского языка шотландского лингвиста Дж. Дальгарно, изложенного им в трактате «Искусство знаков» (1661). Автор показывает, что в построении категориального ряда, положенного в основу лексикона философского языка, Дальгарно гораздо более последователен, чем это предполагалось ранее исследователями его наследия (Слотер, Маат). Отвергая, как и Уилкинс, схоластическое учение о субстанциальных материальных формах, Дальгарно в духе умеренного номинализма трактует понятия субстанции и акциденции как абстрагированные от реальных экстраментальных вещей ментальные сущие. Автор показывает, что понимание формы вещей не как выраженной в определении «чтойности» вещи, постигаемой ранее ее акциденций, а как совокупности отношений, в которые одно сущее вступает с другими сущими и которые не могут быть полностью постигнуты человеческим умом, сближает логическую реформу Дальгарно с так называемой метафизикой отношений херборнских энциклопедистов и «Диссертацией о комбинаторном искусстве» (1666) Лейбница. При этом Дальгарно, со своей стороны, указывает на невозможность построения универсального языка на основании полного логического анализа понятий. Автор приходит к выводу, что решение Дальгарно положить в основу своего лексикона минимальное количество корневых слов и максимально слобности генетический метод словообразования было обусловлено преимущественным влиянием пансофии Я. Коменского, согласно которой метод изучения языков состоит в постижении интеллигибельного порядка мироздания. Таким образом, Дальгарно, учитывая деэссенциалистские тенденции философии Нового времени, рассматривает язык как когерентную, но подвижную систему знаков, структурирующую реальность на основе общих для всех людей ментальных актов и одновременно указывающую на границы человеческого познания.

Ключевые слова: учение о категориях, метафизика, абстрактное сущее, конкретное сущее, философский язык, номинализм.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-335-362.

Если судить только по заглавиям, то может создаться впечатление, что публикуемые ниже пятая и шестая главы трактата Джорджа Дальгарно «Искусство знаков» (1661) имеют второстепенное значение. Действительно, основная задача, которую здесь ставит перед собой автор, — помочь читателю перейти от теории к практике, чтобы тот, пользуясь

*Осминская Наталия Александровна, к. филос. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), nosminskaya@hse.ru, ORCID: 0000-0001-5259-5841.

**© Осминская, Н. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

лексиконом изобретенного Дальгарно искусственного языка (в полном объеме этот лексикон был представлен в начале трактата в виде обширных таблиц), не только научился понимать этот язык, но мог самостоятельно составлять «целостные» слова, обозначающие реальные вещи и понятия. Однако на самом деле именно эти главы являются теоретическим ядром трактата, так как здесь автор наглядно показывает, как лексикон его искусственного языка соотносится с логикой и метафизикой¹. Напомним, что замысел Дальгарно не сводился исключительно к созданию универсального языка, посредством которого без затруднений могли бы общаться между собой носители разных естественных языков. Этот язык Дальгарно называл также философским, то есть таким, который должен быть основан на универсальных законах мышления (Осминская и Рахманкулов, 2024: 304, 314–322). Обосновывая свой замысел, он писал в третьей главе трактата, что логика и метафизика являются единым искусством, «и грамматика отличается от них лишь в той степени, в какой знак отличается от означаемого» (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 363). В этом отношении проект философского языка Дальгарно не уникален: сходный взгляд на соотношение природы вещей, природы мышления и природы языка был присущ представителям средневековой традиции спекулятивной грамматики, развивавшим учение о соотносительности модусов существования (*modi essendi*), модусов мышления (*modi intelligendi*) и модусов обозначения (*modi significandi*)². Своеобразие замысла «Искусства знаков»

¹Мы уже обращали внимание на сложность трактата «Искусство знаков», обусловленную его лаконичностью (Осминская и Рахманкулов, 2024: 323). Дальгарно неоднократно подчеркивал, что обращается к кругу образованных людей, которые не нуждаются в пояснении очевидного для того времени историко-философского контекста. Кроме того, Дальгарно сознательно сокращает теоретическую часть изложения, указывая, что именно практическое освоение созданного им искусственного языка будет способствовать лучшему пониманию его структурных оснований.

²К традиции спекулятивной грамматики принято относить ряд созданных в период высокой схоластики (ок. 1200–1350) лингвистических теорий, в рамках которых отстаивался тезис о существовании единого универсального ментального языка, лежащего в основании различных естественных языков. Развитие этого философско-лингвистического учения было напрямую связано с влиянием на схоластику аристотелевской и арабской философии, однако это движение не было однородным. Первая масштабная попытка соотнести латинскую грамматику Присциана с «Физикой» Аристотеля была осуществлена Роджером Бэконом (1219/1220 – ок. 1292) в его «Грамматической сумме» (ок. 1245), где он обосновывал свой замысел тезисом Аристотеля о подражании искусства природе. Однако уже до Р. Бэкона Роберт Килуордби (ок. 1215–1279), следуя Аверроэсу, развивал мысль о соотносительности основных четырех частей речи (имени и глагола и,

заключалось, однако, в том, что Дальгарно демонстративно порывал с перипатетико-схоластической традицией, заявляя о необходимости внести ясность в язык философов и теологов и произвести реформу логики³. Эта реформа, с его точки зрения, должна была распространяться прежде всего на теорию предикаментального ряда, поскольку без него невозможно никакое мышление (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 370). Как видим, этот тезис Дальгарно все-таки считает необходимым обосновывать. Действительно, в середине XVII в. рассмотрение учения о категориях как неотъемлемой части логики не было для всех бесспорной истиной. Давний вопрос о том, как следует понимать изначальный замысел Аристотеля — говорил ли он в «Категориях» только о понятиях ума или также о реальных вещах (подробнее об этом см.: Pini, 2008), — с усилением антисхоластического движения приобретает новые коннотации. Например, для Т. Гоббса, оппонента Дальгарно, за изгнанием из философии «метафизического зверя» следовала постановка вопроса о том, какую роль играет учение о категориях в науке о мышлении⁴ (Гоббс, Федоров и Гутерман, 1989: 91–92).

соответственно, местоимения и причастия) с внеязыковой реальностью (имя и местоимение указывают на постоянное, глагол и причастие — на изменяющееся). Считается, что именно Килуордби первым сформулировал задачу создания отдельной дисциплины, посвященной изучению общих правил грамматики. Однако в своих учениях об универсальной грамматике Р. Килуордби и Р. Бэкон уделяли также достаточно большое внимание сопутствующим логической структуре психологическим факторам речи, в силу чего это учение принято называть «интенционалистским» (подробнее о спекулятивной грамматике Килуордби и Бэкона см.: Kneepkens, 2013; Rosier-Catach, 1997). Представители лингвистического модизма, напротив, сосредоточились исключительно на выявлении общих морфологических, синтаксических и семантических структур, лежащих в основе различных естественных языков. Согласно модистам, опиравшимся на аристотелевское учение о ментальных представлениях как претерпеваниях души (см. Аристотель, Кубицкий, 1978: 91), язык представляет собой систему знаков, соотносимую с порядком ментальных содержаний, который, в свою очередь, определяется экстраментальными объектами (краткий, но емкий обзор учения модистов см. в: Апполонов, 2016).

³Исследователи часто указывают на общность идеи спекулятивной грамматики и идеи философского языка XVII в. (Maat, 2004: 14). В частности, о влиянии учения модистов на рациональную грамматику Пор-Рояля писал Н. Хомски (Chomsky, 1966: 140). Однако между этими теориями есть также и очень существенное различие: если в основе учения модистов лежала аристотелевская теория, согласно которой структура мышления совпадает со структурой реальности, то картезианская философия постулирует, что идеи репрезентируют объекты, не являясь их подобиями. См. также следующую сноску.

⁴А. Арно и П. Николь также указывали на необходимость пересмотра аристотелевского учения о категориях, поскольку, с их точки зрения, категории не только «не помогают развитию способности суждения, что является задачей истинной логики, но и нередко весьма тому мешают» (Арно и Николь, Гайдамака, 1991: 44). Одна из двух

Это был закономерный вопрос. Ведь даже Дальгарно первоначально не был уверен в целесообразности применения категориального ряда в качестве основы для философского языка (Maat, 2004: 53). Вплоть до конца XVII в. школьная логика все еще была логикой силлогизма, неразрывно связанной с теорией категорий, но во второй половине XVII в. постепенно формируется и новая логика исчисления (Lenzen, 2004: 1), родоначальником которой принято считать Г. В. Лейбница. Между тем нельзя забывать, что лейбницевское учение об универсальной характеристике непосредственно продолжает гоббсовскую идею мышления как исчисления, изложенную английским философом в разделе «Исчисление, или логика» первого тома его «Основ философии» и восходящую, в свою очередь, к Петру Рамусу⁵ (Nuchelmans, 1983: 131). Таким образом, полемизируя с Гоббсом, Дальгарно отстаивает укорененную в предшествующей средневековой традиции точку зрения, согласно которой содержание «Категорий» рассматривалось как учение о правилах умозаключения, служащее необходимым логическим введением в философию. Однако, постулируя изоморфизм логики и метафизики, Дальгарно также признает, что логика категориального ряда не просто является искусством выстраивать понятия ума в правильном порядке (то есть исследует вторые интенции ума), но также соотносится с экстраментальной реальностью⁶. В таком случае возникает два вопроса:

главных причин вредности аристотелевского учения о категориях заключается, по их мнению, в том, что «эти категории рассматривают как нечто коренящееся в разуме и в самой действительности, хотя они совершенно произвольны и основаны только на воображении человека, который был отнюдь не властен предписывать закон другим, ибо каждый вправе распределить объекты своих мыслей иначе, соответственно своему образу философствования» (Арно и Николь, Гайдамака, 1991: 44–45).

⁵В рамках своей реформы перипатетико-схоластической логики Рамус не отказывается от учения о категориях, но вместо аристотелевских десяти категорий (субстанция, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание) приводит свой перечень десяти основных понятий, включающий причину, действие, предмет, адъюнкт и др. (подробнее о логической реформе Рамуса и распространении рамизма в Англии см.: Howell, 1961: 146–281).

⁶В схоластической традиции учение о категориях было тесно связано с вопросом об онтологическом статусе универсалий, в связи с чем принято различать позицию умеренных реалистов (Фома Аквинский) и номиналистов (Оккам). Исходным пунктом реалистов было утверждение, что самое общее понятие сущего соответствует всем видам реального экстраментального сущего и что общие понятия (роды и виды) согласуются с реальными общими свойствами объектов. Однако это не означало, что логика полностью неотделима от метафизики. Предметом логики являются вторые интенции ума (высказывание «человек есть род»), предметом метафизики — первые интенции («человек есть живое существо»), и, хотя собственным объектом разума является чейность вещи, сами по

в чем именно заключалась реформа категориального ряда в проекте Дальгарно и в какой степени эта реформа логики должна была быть связана с реформой метафизики?

В третьей главе «Искусства знаков» Дальгарно обращает внимание своих читателей на то, что, вопреки устоявшейся традиции, он уподобляет категориальный ряд не древу, а генеалогии человеческого рода. Иначе говоря, хотя Дальгарно и сохраняет родо-видовой принцип соотношения понятий, он придерживается более общего генетического метода их образования, согласно которому все понятия человеческого ума делятся на простые и сложные, составленные из простых, в точности так, как это описывал Гоббс (Гоббс, Федоров и Гутерман, 1989: 88–89). Однако Дальгарно уточняет, что есть два разных подхода к решению этой задачи, и основаны они на двух разных философских предпосылках: один требует полного разложения сложных понятий вплоть до первых простейших понятий ума, другой предполагает упорядочивание простых и сложных понятий природных и искусственных тел без претензии на полное и адекватное постижение их логической формы. Первый, аналитический, метод соответствовал картезианской модели *lingua universalis*⁷ (см. Осминская и Рахманкулов, 2024: 318); что же касается

себе акты мышления не ведут интуитивно к правильному постижению вещей (Фома Аквинский, Апполонов, 2014: 286). Кроме того, следует учитывать, что разделение схоластической традиции на партию реалистов и номиналистов носит достаточно условный характер и не отражает своеобразия взглядов отдельных средневековых мыслителей. Так, Дунс Скот, которого принято относить к умеренным реалистам, считал, что между экстраментальной реальностью, понятиями ума и знаками нет полного параллелизма, хотя и не исключал его возможности (Newton, 2008: 258). Подробнее о средневековых интерпретациях аристотелевских «Категорий» в духе реализма и номинализма см. также: Conti, 2008: 317–322.

⁷Одним из первых, кто попытался реализовать картезианскую модель *lingua universalis*, был, по всей вероятности, Марен Мерсенн. Однако его проект философского языка не сохранился и известен лишь по некоторым фрагментам и упоминаниям в работе «*Traité de l'Harmonie Universelle*» (1636). Сторонником аналитического подхода к созданию универсальной характеристики был также английский математик и астроном Сет Уорд, с которым Дальгарно был хорошо знаком. В своем труде «*Vindiciae Academiarum*» (1654) Уорд совершенно в картезианском духе утверждал, что логика и математика могут быть чрезвычайно полезны при создании универсального характера, поскольку «всякая речь может быть разложена на предложения, предложения — на слова, слова, в свою очередь, либо означают простые понятия, либо могут быть разложены на простые понятия. Таким образом, если найти все простые понятия и присвоить им символы, то этих символов будет гораздо меньше по сравнению с другими» (Ward, 1654: 21). Один из крупнейших специалистов по истории проектов универсального языка в XVII в. Вивиан Сальмон придерживалась мнения, что именно Уорда следует считать предтечей универсальной

второго, то принято считать, что этот, в сущности, энциклопедический подход был реализован в «Опыте о реальном характере и философском языке» (1668) Дж. Уилкинса (Maat, 2004: 58).

Ответ на вопрос, какого из этих двух методов придерживался Дальгарно, как ни странно, далеко не очевиден. В исследовательской литературе можно встретить утверждение, что Дальгарно, в противоположность Уилкинсу, следовал первому, аналитическому методу (Slaughter, 1982: 144; Strasser, 1988: 214). Косвенным подтверждением этой интерпретации служит фрагмент из «Опыта о реальном знаке» Дж. Уилкинса, где рассказывается о конфликте, возникшем между ним и Дальгарно в период их совместной работы над проектом универсального характера (подробнее об этом см.: Maat, 2004: 53–59; Subbiondo, 2007: 112–119; ср. также: Осминская и Рахманкулов, 2024: 395). Не называя имени своего оппонента, Уилкинс сообщает только о предмете конфликта. По словам Уилкинса, Дальгарно отверг его попытки составить таблицы субстанций посредством всеобъемлющего перечня природных тел, поскольку считал возможным свести все многообразие понятий к комбинациям небольшого числа корневых слов⁸. В результате этих разногласий сотрудничество ученых прекратилось, и в дальнейшем каждый из них реализовал свой замысел самостоятельно. Хотя и Дальгарно, и Уилкинс одинаково ориентировались на родо-видовую схему упорядочивания природных тел, однако из сопоставления проектов явствует (и это становится особенно очевидным благодаря разъяснениям и многочисленным примерам из пятой главы «Искусства знаков»), что Дальгарно действительно более последовательно придерживался генетического метода словообразования, в соответствии с которым структура знака должна отражать генезис понятия, то есть, в сущности, быть

характеристики Лейбница и, в конечном счете, математической логики Дж. Буля (Salmon, 1988: 196).

⁸ «Первоначальный повод заключался в моем желании оказать помощь другому человеку, который намеревался заняться созданием реального характера, основанного на естественном понимании вещей; для помощи в таком достойном начинании я предложил составить для него Таблицы Субстанций, или видов Природных Тел, сгруппированных по соответствующим категориям; что я и сделал, используя примерно тот же метод, что приведен далее; однако при выполнении этой задачи я столкнулся с гораздо большей трудностью и объемом работы, чем ожидал, когда только приступил к этому. Но тот, для кого я это сделал, не одобрил этот метод, сочтя его слишком обширным, считая, что может справиться со всеми основными Корнями гораздо более кратким и простым способом, и поэтому не стал использовать эти таблицы» (Wilkins, 1668: To the Reader, перевод М. Рожковой под ред. Н. Осминской).

его генетическим определением. Например, Дальгарно, в отличие от Уилкинса, не включает в свой лексикон такое корневое слово, как «элемент», обозначая это понятие производным словом *neim grupom*, что означает «простое неодушевленное физическое сущее, подверженное порче»⁹. Таким образом, разногласия, как мы видим, касались степени генерализации эмпирического материала.

Парадоксальность проекта Дальгарно заключалась, однако, в том, что, устанавливая тождество логики, метафизики и грамматики, он, по его собственным словам, следовал не первому, а второму методу. В третьей главе трактата он замечает, что в его «Таблицах» читатель обнаружит применение второго метода, а именно построение предикаментального ряда посредством упорядочивания субстанций и акциденций (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 372). Далее, в четвертой главе, Дальгарно приводит несколько развернутых аргументов в пользу этого методологического решения. Он поясняет, что, хотя метод полного логического анализа и ведет к более глубокому постижению сущности вещей, тем не менее пользоваться таким языком было бы неудобно ввиду того, что целостные знаки, в состав которых входили бы все первые понятия, были бы слишком громоздкими. Более того, с его точки зрения, для человека такой вид познания вообще недостижим, так как формы вещей образуются бесчисленными отношениями, в которые вещи вступают между собой, тогда как человеческому разуму доступны лишь некоторые из этих отношений (там же: 374–377). В силу этих соображений Дальгарно принимает решение идти средним путем:

...выбрать из первых и главных наук определенное число важнейших понятий — а именно тех, которые обозначают наиболее общие способы рассмотрения вещей, — и положить их в основу категорий в качестве первых, а затем установить для их обозначения корневые слова, из которых составлялись бы сложные имена других вещей (там же: 377).

Таким образом, Дальгарно проявляет себя как сторонник Гоббса, согласно которому человек имеет дело только с относительными свойствами вещей¹⁰, и его задача состоит только в том, чтобы упорядочить

⁹См. сноску 7 к публикуемому переводу глав V–VI «Искусства знаков».

¹⁰«...множество людей хочет, чтобы акциденция была признана чем-то, а именно частью естественных вещей, между тем как в действительности она не является их частью. Лучший (насколько это возможно) ответ на это — то определение акциденции, согласно которому она является способом, посредством которого мы представляем себе тело. Иными словами: акциденция есть определенная способность тела, благодаря которой оно вызывает в нас представление о себе» (Гоббс, Федоров и Гутерман, 1989: 147).

сущее согласно наиболее общим способам его рассмотрения. Однако Гоббс настаивал на том, что истина — «свойство не вещей, а суждений о них» (Гоббс, Федоров и Гутерман, 1989: 97), поскольку мышление состоит в том, чтобы правильно складывать и вычитать общие имена, обозначающие эти акциденции, а речь в целом основана на произвольно установленных в результате конвенции первоначальных именах и предложениях (там же: 98). Поэтому не может не возникнуть вопрос: что же все-таки Дальгарно понимал под согласованием философского языка с метафизикой, де-факто выбирая антиметафизическую позицию? Придерживался ли он когерентной теории истины, как Гоббс, или же склонялся к корреспондентной аристотелевской теории?

Действительно, в трактате «Искусство знаков» Дальгарно часто употребляет слово «метафизика» и словосочетание «природа вещей», и, как уже говорилось выше, на идее конгруэнтности вещей, понятий и знаков основан весь замысел его искусственного философского языка. Однако, что он понимает под метафизикой, не является очевидным, поскольку в XVII в. по мере усиления антисхоластического движения формировались новые философские учения, в рамках которых понятие метафизики соотносилось с различными областями знания. В частности, Фрэнсис Бэкон, чья идея реального характера легла в основу проекта универсального языка Дальгарно (Осминская и Рахманкулов, 2024: 310–314), подчеркивал, что, сохраняя термины «метафизика» и «первая философия», придает им совершенно новый смысл (Бэкон, Федоров, 1971: 218). Для Бэкона первая философия — это учение об общих и привходящих свойствах сущего, поскольку они рассматриваются в приложении к природным телам, то есть к физике, а метафизика — наука о первых формах вещей и конечных причинах (там же: 219–220). Логика (как и естественная теология) представляет собой самостоятельную область знания и не включается в метафизику¹¹ (там же: 321–322). Незадолго до того, как Ф. Бэкон принялся разрабатывать свой проект «Великого восстановления наук», вышли в свет «Метафизические рассуждения» (1597) испанского иезуита Ф. Суареса. Суарес также предлагал масштабную ревизию аристотелевской метафизики, однако цель его была противоположной — укрепить томизм в его противостоянии реформационному движению и максимально способствовать пониманию исходного замысла аристотелевской «Метафизики» (Суарес, Вдовина, 2007: 223). Поэтому он предпринял беспрецедентную попытку систематического

¹¹См. также сноску 45 к публикуемому переводу глав V–VI «Искусства знаков».

изложения довольно запутанного оригинального учения Аристотеля, и к середине XVII в. его труд стал самым популярным учебником по метафизике в Европе (Honnefelder, 1990: 200–205). Примечательно, что «Метафизические рассуждения» начинаются с рассмотрения различных имен метафизики, «восходящих отчасти к Аристотелю, отчасти к другим авторам» (Суарес, Вдовина, 2007: 226), причем Суарес ссылается на «Кратил» Платона, подкрепляя свое методологическое требование, чтобы имена соответствовали объектам знания (там же: 227–228). Суарес определяет метафизику как науку о сущем «в смысле реального сущего [*ens in quantum ens reale*]», включая в это понятие Бога и его атрибуты, нематериальные и материальные субстанции¹², а также реальные акциденции (поскольку они принадлежат к формальному смыслу и свойствам сущего), но не включая в него сущее в разуме и акцидентально сущее (там же: 251–255, 288). Такое расширенное понимание объекта метафизики стало нововведением для традиционного томизма (Вдовина, 2007: 128, 130), поскольку, согласно томистской традиции, Бог мыслился только как первопричина всего сущего, но исключался из области метафизики как науки об общем сущем (*ens commune*)¹³ (там же: 122–123).

В свете этой тенденции к терминологической точности в определении объекта метафизики как научной дисциплины можно рассматривать и другие философские сочинения первой половины XVII в., связанные с понятием науки о сущем как таковом. Так, другой современник Бэкона, немецкий школьный учитель протестантского вероисповедания Якоб Лорхард, в 1606 г. выпустил в свет труд под названием «*Ogdoas scholastica*», где впервые был употреблен термин «онтология»¹⁴. Этот неологизм он использовал в качестве синонима традиционного понятия

¹²Поскольку, согласно Суаресу, предметом метафизики являются только абстрагированные от материи сущие, то «метафизика рассматривает понятие материальной субстанции и прочие формальные смыслы, которые нельзя обнаружить вне материи, лишь постольку, поскольку их непосредственное познание необходимо для общих разделений сущего на десять высших родов и для прочих подобных процедур, вплоть до предписания другим наукам их собственных предметов» (Суарес, Вдовина, 2007: 278).

¹³Фома Аквинский следовал в этом учению Авиценны. Противоположный взгляд отстаивал Аверроэс, согласно которому именно Бог является объектом метафизики.

¹⁴Название «*Ogdoas Scholastica*» можно перевести как «Школьная восьмерица». В книгу было включено обозрение восьми школьных дисциплин — греческой и латинской грамматики, логики, риторики, астрономии, этики, физики и метафизики, или онтологии. Важнейшее нововведение Лорхарда заключалось в схематизированном способе организации материала. Все содержание изучаемых курсов было представлено в виде таблиц, построенных по принципу дихотомического деления, и каждый член этого ряда

«метафизика»¹⁵. В этом сочинении Лорхард приводил и более развернутое определение метафизики, согласно которому она изучает общие роды сущего, насколько они постижимы посредством естественного света человеческого разума в их отвлечении от материи (Lorhard, 1606: 1), и в эту область знания включаются как сотворенные вещи, так и несотворенные — Бог с определениями его сущности, атрибутов и действий (ibid.: 42–44). Второе появление термина «онтология» в философских текстах раннего Нового времени документировано в «Философском словаре» (1613) Рудольфа Гокления, где оно используется уже в более специфицированном значении. Этим греческим словом¹⁶ Гоклений обозначает только один из видов теоретического (абстрактного, отвле-

сопровождался соответствующим определением. Подробнее о диаграмматическом методе изложения в связи с онтологией Лорхарда и влиянием рамизма см.: Øhrstrøm et al., 2007.

¹⁵Среди современных исследователей есть мнение, что термин «онтология» был изобретен именно Лорхардом, поскольку в античной литературе такое слово не встречается (Øhrstrøm et al., 2005). Однако следует обратить внимание на то, что Лорхард систематически включал в свои тексты греческие слова и даже целые словосочетания. Регулярное дублирование латинских слов и выражений греческими могло быть продиктовано учебными целями, поскольку первыми двумя курсами, которые должны были изучать ученики по данному учебному пособию, были как раз латинская и греческая грамматики. Однако, помимо чисто дидактических задач, Лорхард, будучи протестантом, мог преследовать и другие цели, связанные со стремлением преодолеть схоластическое латиноязычное наследие и «переоткрыть» греческую философию. Например, в более раннем сочинении «Liber de adeptione» Лорхард также предпочел вставить в латинский текст греческий эквивалент понятия «сущие»: «Metaphysica, quae res omnes communiter considerat, quatenus sunt ὄντα, quatenus summa genera & principia, nullis sensibilibus hypothesibus subnixā» (Lorchard, 1597: 75) («Метафизика, которая изучает все вещи в общем, поскольку они суть сущие и поскольку они высшие роды и начала, без связи с гипотезами, основанными на чувственном опыте»). Очевидно, что латинский неологизм «ontologia» должен был восстановить аутентичный смысл понятия «метафизики» как «науки о сущем», поскольку авторство термина «метафизика» принадлежит не Аристотелю, а комментаторам, на что указывал и Суарес. В греческом оригинале сказано следующее: «ἐστὶν ἐπιστήμη τις ἢ θεωρεῖ τὸ ὄν ἢ διὰ καὶ τὰ τοῦτο ὑπάρχοντα καθ' αὐτό» (Met. IV 1, 1003a21); в русском переводе А. В. Кубицкого: «Есть некоторая наука, исследующая сущее как таковое, а также то, что ему присуще само по себе» (Аристотель, Кубицкий, 1976: 119). При этом по порядку изложения Лорхард помещает метафизику на последнее, восьмое место, как раз после физики, что соответствует традиционному пониманию метафизики как сугубо умозрительной, то есть наиболее трудной, но и наиболее благородной из всех наук, поскольку ее цель заключается в совершенствовании самой по себе разумной природы человека.

¹⁶Очевидно, что Гоклению, как и Лорхарду, было важно указать на греческие истоки этой науки. Если Лорхард использует латинскую транскрипцию, то Гоклений приводит слово в греческом написании. Есть веские основания предполагать, что Гоклений перенял этот термин именно у Лорхарда, так как в 1607 г. Лорхард перешел в Марбург, где преподавал Гоклений (Lamanna, 2014: 146).

ченного от материи) знания и определяет его как «философию о сущем, или трансценденциях» (Goclenius, 1613: 16). Таким образом, Гоклений, подобно Суаресу и Лорхарду, определяет науку о высших родах сущего в его отвлечении от материи, однако при этом исключает из числа ее объектов Бога и другие интеллигибельные сущности, то есть те, которые не связаны с материей и поэтому, строго говоря, не могут считаться абстрактными понятиями. Отличие онтологии как науки о высших родах сущего от естественной теологии терминологически закрепляется и в трудах современника Дальгарно, немецкого картезианца Иоганна Клауберга¹⁷, хотя при этом он также указывает, что предметом этой науки («которую обычно именуют метафизикой, но которой больше соответствует имя общей науки и всеобщей философии»¹⁸) являются общие для Бога и сотворенных вещей свойства сущего в той мере, в какой эти свойства относятся к области интеллигибельного¹⁹.

Уже из примеров видно, что интенсивные поиски подходящего наименования для науки о «сущем как таковом» свидетельствуют об обострении вопроса о границах мышления²⁰. Отсюда следует, что ответить на вопрос, какая модель метафизики как науки о сущем ближе всего замыслу Дальгарно, можно только исходя из того, что именно включается в его предикаментальный ряд.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что Дальгарно явно не следует букве текста «О достоинстве и приумножении наук» Ф. Бэкона в том, что касается требования разделить первую философию, метафизику и логику. Если логика и метафизика, согласно Дальгарно,

¹⁷ «Представляется, что подобно тому, как наука, предметом которой является Бог, называется теософией или теологией, так и наука, которая занимается изучением не того или иного отдельного сущего, обозначенного отдельным именем или отличающегося от других какими-то свойствами, но сущего в общем смысле, может именоваться онтософией или онтологией» (Clauberg, 1664: Prolegomena, § 4).

¹⁸ «Ea vulgo Metaphysica, sed aptius Ontologia vel Scientia Chatholica, eine allgemeine Wissenschaft, et Philosophia universalis nominantur» (ibid.: 1).

¹⁹ Главное сочинение Клауберга, посвященное метафизике, издавалось при его жизни трижды, в разных редакциях и под разными названиями (1647, *Elementa philosophiae sive ontosophia*, Groningen: Johann Nicolai; 1660, *Ontosophia nova*, Duisburg: A. Wyngaerden; 1664, *Metaphysica de ente quae rectius ontosophia*, Amsterdam: Elzevier), однако всякий раз в заглавии фигурировало слово «онтософия». В издании 1664 г. Клауберг использует понятия «онтософия» и «онтология» как взаимозаменяемые (см. также сноску 17 к настоящей статье).

²⁰ Например, Ф. Бэкон относит учение о категориях только к области логики как науки об опровержении толкований, которая учит, «как избежать смешения и смещения границ определений и разделений» (Бэкон, Федоров, 1971: 322).

являются единым искусством, то это означает, что метафизика интерпретируется им как наука о сущем, поскольку оно мыслится как сущее. Таким образом, для него, как и для Суареса, в полном согласии с аристотелевской теорией слово, ментальное понятие и объект познания (слово, формальное понятие и объективное понятие, в терминологии Суареса) составляют единое целое. Однако далее Дальгарно мимоходом делает еще одно очень важное замечание, свидетельствующее о принципиальном размежевании как со схоластической метафизикой, так и с некоторыми ранними версиями протестантской онтологии. Дальгарно обращает внимание читателей на то, что Бог не включается в его предикаментальный ряд, хотя и имеет имя «первопричина» и «сущее сущих». Это означает, что, согласно Дальгарно, Бог не является объектом метафизического познания.

Соответственно, метафизику Дальгарно понимает как науку о сущем и его общих свойствах, насколько они могут быть мыслимы человеческим разумом, и однозначно отделяет эту область от естественной теологии, указывая при этом, что Бог должен мыслиться как условие возможности данного в опыте сущего.

Вторым важным аспектом теории категорий Дальгарно является отказ от традиционного деления сущего как высшего рода на субстанцию и акциденцию²¹. Вместо этих первых видовых отличий сущего Дальгарно в самом начале пятой главы вводит понятия «абстрактное сущее» и «конкретное сущее», замечая, что понятие абстрактного сущего, в свою очередь, делится на понятия «субстанция» и «акциденция». Такое деление, уточняет Дальгарно, может рассматриваться и как трихотомическое, которое, с его точки зрения, «в этом и в некоторых других случаях не менее совершенно, чем дихотомическое». Это действительно несколько неожиданный ход, и то, как Дальгарно употребляет эти термины, может навести на мысль о непоследовательности²², по-

²¹Касаясь этого вопроса в начале пятой главы «Искусства знаков», Дальгарно представляет предшествующую традицию в несколько упрощенном виде. Согласно Фоме Аквинскому, первично общее сущее делится на акт и потенцию, а затем уже на десять категорий. В «Метафизических сентенциях» он пишет: «Первые начала, обозначаемые в качестве предельно универсальных, суть акт и потенция, ибо они разделяют сущее как таковое» (цит. по: Вдовина, 2007: 139).

²²Именно такую оценку дает Маат: «Статус понятия „субстанция“ в этой схеме не очень ясен. Оно не делится далее и, более того, Дальгарно указывает, что использует термин „конкретное“ вместо „субстанция“». На самом деле эта схема основана на различении, с одной стороны, конкретных вещей, таких как камень, и, с другой стороны, акциденций как чувственных качеств, что очень напоминает обычное деление на субстанцию и акциденцию,

сколько чуть далее в этой же пятой главе он объявляет, что использует понятия «конкретное» и «субстанция» как взаимозаменяемые. Однако если учитывать более широкий историко-философский контекст, становится ясно, что мысль Дальгарно гораздо более последовательна, чем это может показаться на первый взгляд, и гораздо менее оригинальна, чем это хотел представить он сам.

Что касается понятия конкретного сущего, то здесь вполне очевидно, что Дальгарно соотносит его с экстраментальными вещами. Конкретные сущие Дальгарно характеризует одновременно как составные и как целостные сущие, что само по себе не противоречит томистской традиции, утверждавшей, что сущность составных (то есть состоящих из формы и материи) субстанций сама по себе является единой (Фома Аквинский, Апполонов, 2004: 141). Понятие абстрактного сущего Дальгарно обстоятельно не поясняет, указывая лишь, что оно должно делиться на понятия «субстанция» и «акциденция», определяемые, в противоположность целостным конкретным сущим, как простые и нецелостные сущие. Однако термин «абстрактное», в соответствии со схоластической традицией, указывает на то, что в эту категорию должны включаться только умопостигаемые характеристики, отвлекаемые от реальных вещей. В контексте этих рассуждений становится понятно, почему абстрактное сущее Дальгарно характеризует как неполное²³. Тезис о целостной природе конкретных сущих является основополагающим также и в метафизике Суареса, который в «Метафизических рассуждениях» противопоставляет реально существующим единичным вещам абстрагированные от них ментальные понятия²⁴. В свете вышесказанного также становится понятным, почему в третьей главе «Искусства знаков» он уделил так много внимания критике картезианского *cogito*. Дальгарно противостоял дуализму Декарта, то есть утверждению онтологической

которое Дальгарно критикует. Это не единственный пример того, как он на практике отступает от своих теоретических принципов» (Maat, 2004: 73–74). Слотер также замечает, что в таксономии Дальгарно трудно найти общий принцип (Slaughter, 1982: 146).

²³Схожее разделение на конкретные и абстрактные имена приводится в трактате Т. Гоббса «О теле», безусловно, также хорошо знакомом Дальгарно (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 363), с той лишь разницей, что Гоббс, тяготивший к крайнему номинализму, говорит об именах, а Дальгарно — о видах сущего (Гоббс, Федоров и Гутерман, 1989: 94–95).

²⁴Именно в суаресовской метафизике «в сравнении со схоластикой Средневековья у Суареса (как и — заметим в скобках — во второй схоластике в целом) происходит определенный сдвиг перспективы: от действительного внемысленного бытия вещей — к тому, как и какими вещи предстают в мышлении о них» (Вдовина, 2007: 136).

независимости мышления от чувственного опыта. Согласно Дальгарно, способность человеческого ума к рефлексии над своими прямыми актами необходимо предполагает зависимость от объекта мышления, хотя сама по себе и является признаком бессмертия души и ее причастности божественной природе (Дальгарно, Осминская (ред.) и др., 2024: 365–367). Именно в этом ключе можно трактовать метафору зачатия, с помощью которой Дальгарно описывает природу мышления²⁵ (там же: 371).

Поскольку род абстрактного сущего включает в себя ментальное сущее, посредством которого мыслится реальное (конкретное) сущее, то становится понятным, почему Дальгарно предлагает деление этого родового понятия на подчиненные виды «субстанция» и «акциденция»: ведь эти понятия, с его точки зрения, представляют собой наиболее общие способы рассмотрения вещей (там же: 372, 377). Соответственно, конкретные вещи мыслятся как обладающие целостностью, то есть как субстанции — именно поэтому понятия субстанции и конкретного сущего Дальгарно считает взаимозаменяемыми²⁶. Менее очевидной является интерпретация рода акциденций. К ним относятся, согласно Дальгарно, понятия логики и метафизики, которые он также называет трансцендентными²⁷. Для Дальгарно крайне важно, чтобы читатель

²⁵Эта метафора была давно известна в средневековой традиции. Ср. у Блаженного Августина: «понятие рождается от познающего и познанного» (цит. по: Вдовина, 2007: 142).

²⁶Ср. у Суареса: «Отсюда следует, что понятие субстанции и понятие „через себя“, то есть модуса *per se*, различаются не объективно, а только по способу постижения, как „то, что“ [*quod*] и „то, через что“ [*quo*], подобно тому, как различаются Бог и Божественность. Ибо в реальности нет в собственном смысле *quod* и *quo*, а есть только *quod*; но наш ум, не умея объяснить простые вещи иначе, кроме как по способу составления, прибегает к такому способу постижения» (Суарес, Вдовина, 2007: 394).

²⁷Ср. у Ф. Бэкона: «Предметом первой философии мы назвали общие для всех наук аксиомы, а также относительные или же приводящие признаки сущего, которые мы назвали трансценденциями, как, например: многое и малое, тождественное, различное, возможное, невозможное и т. п., предупредив лишь о том, что эти понятия должны рассматриваться не в логическом, а в физическом смысле» (Бэкон, Федоров, 1971: 321–322). Ср. также: «Напомним то, что было сказано нами выше при рассмотрении первой философии о трансценденциях и приводящих свойствах сущего, или адьюнкциях. К их числу относятся понятия: больше, меньше, много, мало, раньше, позже, идентичное, различное, возможное, действительное, обладание, лишение, целое, части, действующее, испытывающее действие, движение, покой, сущее, не сущее и т. п. Особенно важно помнить и иметь в виду два различных способа изучения этих понятий, о которых мы говорили, то есть изучение их с точки зрения физики и с точки зрения логики. Исследование этих

обратил внимание на то, что понятие трансценденций трактуется им совершенно иначе, чем это было принято ранее. В третьей главе трактата он подробно объясняет, почему относит понятия «единого», «благого» и «истинного» к роду акциденций и только в таком смысле считает их трансцендентными, но в пятой главе считает нужным напомнить об этом читателю еще раз. Это действительно важно. Суарес именовал названные три понятия реальными, а не ментальными атрибутами сущего (Суарес, Вдовина, 2007: 404) и сводил все прочие ментальные отношения к этим трем трансцендентальным атрибутам (там же: 416). Соответственно, отказываясь от этого учения, Дальгарно не может не постулировать необходимость развития учение о понятиях, посредством которых мыслятся отношения между вещами (причинность, модус существования и сравнение) и которые он именует привходящими свойствами сущего. Именно эти отношения составляют, согласно Дальгарно, форму вещей, поскольку она образуется всем многообразием отношений, в которые то или иное конкретное сущее вступает с другими сущими. Поэтому форма вещей, согласно Дальгарно, непознаваема, тогда как согласно томистской традиции сущность, напротив, познается раньше акциденций²⁸. Согласно схоластам, сущность вещи состоит в родо-видовом определении и не зависит от привходящих акцидентальных свойств вещей (сущность Сократа заключается в том, что он есть «разумное животное», где «животное» — род, а «разумное» — видовое отличие), тогда как, согласно Дальгарно, форма вещи включает в себя все возможные отношения ее к другим вещам, включая привходящие свойства. В своей «Автобиографии» (ок. 1685), описывая со своей точки зрения историю сотрудничества с Уилкинсом, Дальгарно с полной определенностью формулирует эту мысль о невозможности дать точные определения видов природных тел и, соответственно, получить их точные в логическом отношении имена. Из его рассказа следует, что первоначально этот аргумент высказал Уилкинс, однако Дальгарно нашел его убедительным:

понятий с точки зрения физики мы отнесли к первой философии. Остается исследовать их с точки зрения логики» (Бэкон, Федоров, 1971: 321).

²⁸Ср. у Фомы Аквинского: «...человеческий разум не сразу, при первом постижении, обретает совершенное познание вещи, но сперва он постигает в ней нечто, то есть чтойность самой вещи, которая является первым и собственным объектом человеческого разума, а затем мыслит свойства, акциденции и отношения, сопутствующие сущности вещи» (Фома Аквинский, Апполонов, 2014: 283).

...если признать, что формы вещей, если таковые вообще имеются, непознаваемы для нас, то, следовательно, не может быть дано никаких определений посредством перечисления этих сущностных видовых отличий на основании этих гипотез; если же эти формы суть не что иное, как собрание модусов материи, образующих виды (как это принято считать в новой философии, к которой он [Уилкинс. — *Н. О.*], кажется, склоняется), то их определения будут слишком длинными для установления корневых слов. Поэтому представлялось наиболее разумным разместить их в упорядоченном виде в предикаментальном ряду и присвоить им имена, устанавливая такие слова и характеры, которые могли бы указывать на их место в числовом ряду²⁹.

Итак, Дальгарно и Уилкинс хорошо осознавали, что оказываются перед эпистемологическим выбором. Отказ от того, чтобы мыслить сотворенное, данное в опыте сущее как состоящее из сущности и материи (отказ от понятия материальных субстанциальных форм) соответствовал духу нового естествознания: вещи мыслятся как модусы материи и отличаются друг от друга только величиной, фигурой и количеством движения. Вместе с тем отказ от эссенциализма означал и отказ от определения сущего через указание на его целевую причину. Теперь сущее определяется в качестве модуса материи действующими причинами, то есть другими сущими, которые в своей совокупности образуют систему, где каждый член ряда определен другими.

Отсюда проистекает новая таксономическая задача, которая для схоластических учений о категориях не была актуальной. Хотя в схоластике категории и рассматривались как перечень основных родов сущего, однако речь вовсе не шла о том, чтобы в категориальном ряде представить все многообразие сущего. Только с распространением рамизма появляется установка на то, что наука о сущем как таковом должна представить систему мира как порядок вещей, взаимоопределяющих друг друга. При этом, как мы видим, Дальгарно и Уилкинс прекрасно отдавали себе отчет в том, что язык как картина мира не только не может дать

²⁹ «If it were possible to give accurat definitions of the Species of Natural bodies and hence to take their names he [i. e. Wilkins] would be fully of my judgment. But sieing the formes of things, if there were any such, were unknown to us, and therefore there could be no definitons by essential differences by this Hypothesis; or if these formes were nothing else, according to that which is called new philosophy which he seemed to encline to, but a multitude of modes of matter Constituting the Species, their definitions would be [too] long for the purpose of Instituting Radical words, and therefore it seemed most rational to put them in predicamental rank and file, and give them their names by instituting such words and Characters as might denote their numerical place and order» (цит. по: Maat, 2004: 164).

исчерпывающее родо-видовое определение сущего в схоластической парадигме, но не может и отобразить причинно-следственную структуру сущего, соответствующую духу новой науки. Однако наиболее интересным с историко-философской точки зрения является тот факт, что, соглашаясь друг с другом в этом исходном положении, Уилкинс и Дальгарно не смогли найти взаимопонимания в вопросе, какую функцию в таком случае должен выполнять философский язык и, соответственно, каким методом следует руководствоваться при его создании.

Как уже отмечалось выше, с точки зрения Уилкинса основная задача при создании философского языка заключалась в том, чтобы дать упорядоченный перечень всех понятий науки и искусства в соответствии с признанными теориями, так что лексикон был бы не чем иным, как представленным в виде предикаментального ряда синопсисом или индексом целой Энциклопедии Искусств (Maat, 2004: 55). Соответственно, не считая возможным передать в знаке логическую структуру понятия, Уилкинс считает первостепенной таксономическую функцию языка. Поэтому метод Уилкинса принято называть энциклопедическим. Его философский язык — это язык ученых, которые могут при его помощи привести в общую систему научное знание в разных областях³⁰.

Дальгарно руководствовался другим принципом: его первостепенная задача заключалась в том, чтобы «найти наиболее краткий, легкий и точный способ общения для пользы всего человечества» (цит. по: Subbiondo, 2007: 114). Поэтому он настаивал на том, чтобы свести лексикон к минимальному количеству корневых слов, которые подлежали бы запоминанию и из небольшого перечня которых любой человек мог бы посредством композиции и деривации самостоятельно образовывать новые слова. Однако эти корневые слова, как мы уже говорили, не соответствовали первым понятиям ума, полученным в результате полного анализа мышления. Отказываясь, как и Уилкинс, от схоластического эссенциализма и от картезианской модели универсального языка, Дальгарно действительно выбрал средний путь: его решение свелось в итоге к тому, чтобы составлять имя вещи из имени соответствующего ему рода и наиболее заметного отличительного признака, отличающего этот вид от других видов того же рода. Однако в основе этого метода

³⁰ Лексикон Уилкинса насчитывал 40 родов (из них 14 включали в себя виды природных тел), 252 отличительных признака и 2032 вида. То есть всего 2326 категорий. Каждой категории соответствовало одно корневое слово, однако отдельным категориям могло соответствовать более одного корневого слова (подробнее о предикаментальном методе Уилкинса см.: Maat, 2004: 163–216).

все-таки больше просматривается комбинаторный принцип. В полном соответствии с озвученной в «Автобиографии» идеей соотнесения понятий по принципу числового ряда, Дальгарно переводит родо-видовое деление понятий на язык исчисления (соответствующий пример он приводит в пятой главе). Так, семнадцать корневых слов, соответствующих высшим родам, обозначены в лексиконе Дальгарно заглавными буквами, а каждый высший род делится на девять подклассов, которым Дальгарно присваивает «регистрационный номер», выраженный одной из ряда согласных: *m* (1), *n* (2), *f* (3), *b* (4), *d* (5), *g* (6), *p* (7), *t* (8), *k* (9). Эти подклассы, в свою очередь, поделены на семь видов, порядковый номер которых обозначен буквами *a*, *h*, *e*, *I*, *o*, *y*, *n*. Таким образом, хотя словообразование в языке Дальгарно в большей мере, чем в языке Уилкинса, зависело от говорящего (поскольку говорящий обозначал вещи посредством указания на род и наиболее известный ему отличительный признак), тем не менее речь говорящего на этом языке оказывалась более структурированной и когерентной для самого говорящего.

В этом отношении следует признать, что искусственный язык Дальгарно действительно выполнял одновременно функции и языка универсального, и языка философского, но только если принять во внимание, что тезис об изоморфизме логики, метафизики и грамматики у Дальгарно подразумевал не выражение посредством языка сущности той или иной вещи (поскольку такая сущность вообще непознаваема), а обозначение способа рассмотрения вещей, которые, в свою очередь, обусловлены универсальными ментальными актами. Хотя де-факто в предикаментальном ряду перечисляются особенные сущие (виды), тем не менее в горизонте родо-видового определения уже находится единичная вещь, которая может быть мыслима только посредством понятий субстанции и акциденций, а последние, в свою очередь, не могут представить вещь в ее полной определенности и полном различии с другими вещами. Соответственно, в горизонте предикаментального ряда Дальгарно находится не особенное, но единичное, которое и согласно Аристотелю не может стать предметом научного знания. Таким образом, разделяя общий род сущего на категории абстрактного и конкретного, а категорию абстрактного на субстанцию и акциденцию, Дальгарно закрепляет логическую интерпретацию категорий, однако делает это таким образом, что понятие сущего как высшего рода оказывается единственным понятием, в котором ментальное и экстраментальное содержание совпадает. Категориальный ряд конкретного сущего, соответственно, представляет сущее как определенное мыслительными актами, хотя и не зависящее

от этих актов в своем существовании. Отсюда следует, что генетическое определение того или иного сущего, отраженное в имени как знаке, не может быть стабильным, поскольку может указывать на его различные отношения к другим сущим. Поэтому одно и то же сущее может иметь различные имена, на что и указывает Дальгарно в пятой главе.

Итак, говоря о метафизике как науке о природе вещей, Дальгарно подразумевает под формой вещи всю совокупность сходств и различий этой вещи с другими вещами, недоступную для постижения человеческим умом. Сходное понятие метафизики встречается у Лейбница в его «Диссертации о комбинаторном искусстве» (1666) (Осминская, 2022: 211). В период написания этой работы Лейбниц не мог знать трактат Дальгарно, так что явное сходство в понимании предмета метафизики может быть обусловлено только общностью философских прототипов этих двух смежных проектов универсального языка. Таким общим прототипом было учение херборнских энциклопедистов, к числу которых принадлежали Ян Амос Коменский (о влиянии учения Коменского на «Искусство знаков» Дальгарно см.: Осминская и Рахманкулов, 2024: 310–315) и И. Г. Бистерфельд, на книгу которого Лейбниц ссылался в «Диссертации» (Осминская, 2022: 211). Неудивительно, что в дальнейшем Лейбниц выскажет мысль, которая уже латентно содержалась в теории Дальгарно. Если последний говорит о том, что родовое понятие включает в свой объем понятия видов, то Лейбниц, переосмысливая традиционное схоластическое учение о роде и виде как целом и части, утверждает, что именно вид (а следовательно, и индивид) содержит в себе более общие понятия (род и отличительный признак), а не наоборот (Лейбниц, Федоров, 1984b: 517–518). Впрочем, отсюда отнюдь не следует, что Дальгарно можно считать предтечей лейбницевого учения об индивидуальной субстанции. Ведь из реформированного в номиналистическом духе категориального ряда «Искусства знаков» можно равным образом вывести и локковскую эпистемологию, в рамках которой была предпринята попытка систематизации мыслительных актов как врожденных психических функций и генетического определения всех ментальных содержаний (Ott, 2004: 108).

Таким образом, хотя в целом предложенный Дальгарно проект категориального ряда действительно можно охарактеризовать как компромиссный, при этом следует признать, что реформа предикаментального ряда, которую он осуществил, выдержана в духе умеренного номинализма, которого придерживались и молодой Лейбниц, и Локк (ibid.: 72). Однако здесь также следует принять во внимание, что Дальгарно,

будучи школьным учителем и приверженцем учения Яна Коменского, ставил перед собой прежде всего педагогические задачи. Его «Искусство знаков», так же как и «*Ogdoas scholastica*» Лорхарда, должно было представить не столько классификацию всего сущего, сколько перечень основных понятий, посредством которых сущее мыслится и структурируется, то есть его задача заключалась в том, чтобы научить читателя мыслить о сущем. Вспомним, что основной методический прием преподавания языков Яна Коменского³¹ также сводился к тому, чтобы обучающийся осваивал систему языковых знаков в неразрывной связи с познанием порядка вещей в мироздании и чтобы ученик, познавая этот порядок вещей, в итоге приходил к идее первопричины всего сущего (Коменский, Корольков, 1982: 397–401). Именно в таком ключе можно интерпретировать решение Дальгарно не включать понятие Бога в предикаментальный ряд, но обозначить его как «первопричину» и «сущее сущих». В этом смысле Дальгарно все еще продолжает аристотелевскую традицию понимания категорий, согласно которой учение о сущем и логика неотделимы друг от друга³² (о соотношении логики и онтологии в истории западной философии см.: Cocchiarella, 2001). Г. В. Лейбниц, чей проект универсальной характеристики задумывался как осуществление идеи универсального языка, не реализованной Дальгарно (Осминская и Рахманкулов, 2024: 324), также на протяжении всей жизни отстаивал точку зрения, что истинная метафизика мало отличается от истинной логики. К этим двум наукам Лейбниц, как и Дальгарно, приравнивал еще одну дисциплину, но уже не грамматику — как Дальгарно, — а математику³³. Дальгарно так пока не мыслит, хотя, как мы видим, в основе его философского языка уже лежит логика исчисления, и понятие субстанции выполняет функции формального единства. Он мыслит как грамматик, и как грамматик показывает, почему строгий философский язык, основанный на идее полного логического

³¹Этот принцип был положен в основу учебника латинского языка «Открытая дверь языков», изданного Коменским в 1631 г. в городе Лешно. Учебник был переведен на многие европейские языки и пользовался большой популярностью в Европе и Англии.

³²Как было замечено выше, в аристотелевской традиции нет единства в вопросе о том, как соотносятся понятия ума и экстраментальные вещи. Так, представители английского аристотелизма конца XVII в., критики Локка Дигби и Сёржант придерживались убеждения, что объект мышления нумерически совпадает с экстраментальной вещью, тогда как Фома Аквинский считал, что интенциональные виды и материальные виды лишь подобны, но не идентичны (Ott, 2004: 80–82).

³³Подробнее о логике Лейбница в связи с его учением об универсальной характеристике и библиографию по этому вопросу см. в: Lenzen, 2004.

анализа, не может быть осуществлен³⁴. Таким образом, в контексте новой философии, отказавшейся от понятия субстанциальных форм³⁵, функция категориального ряда меняется: она сводится в итоге к тому, чтобы обозначить и разграничить сферы мыслимого и немислимого, выразимого и невыразимого.

ЛИТЕРАТУРА

- Апполонов А. В. «Спекулятивная грамматика» Фоми Эрфуртского и средневековая лингвистическая традиция // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2016. — № 6. — С. 48–64.
- Аристотель. Метафизика / пер. с древнегреч. А. В. Кубицкого // Сочинения. В 4 т. Т. 1 / под ред. В. Ф. Асмуса. — М.: Мысль, 1976. — С. 63–369.
- Аристотель. Об истолковании / пер. с древнегреч. А. В. Кубицкого // Сочинения. В 4 т. Т. 2 / под ред. З. Н. Микеладзе. — М.: Мысль, 1978. — С. 92–116.
- Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить, где помимо общих правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения / пер. с фр. В. П. Гайдамаки. — М.: Наука, 1991.
- Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук / пер. с лат. Н. А. Федорова // Сочинения. В 2 т. Т. 1 / под ред. А. Л. Субботина. — М.: Мысль, 1971. — С. 85–546.
- Вдовина Г. В. Сущее и реальность в метафизике Франсиско Суареса // Метафизические рассуждения. Рассуждения I–V / Ф. Суарес; пер. с лат. Г. В. Вдовиной. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. — С. 87–221.

³⁴Лейбниц также признавал, что человеческий ум не может осуществить полный логический анализ сложных понятий. Он проводит различие между интуитивным и символическим видом познания: интуитивное познание, основанное на отчетливом восприятии всех первых понятий, присуще только Божественному разуму, а человеку доступно преимущественно символическое познание, основанное на знаках. В статье «Размышления о познании, истине и идеях», опубликованной в журнале «Acta Eruditorum» в 1684 г., он писал: «если понятие очень сложно, то мы одновременно не можем представить себе всех входящих в него понятий, а познание, в котором это возможно, я называю интуитивным. Первичное отчетливое понятие мы можем познать только интуитивно, в то время как сложные понятия — по большей части только символически» (Лейбниц, Радлов, 1984а: 103). Поэтому Лейбниц считал необходимым использовать в своем проекте универсальной характеристики промежуточные термины, которые, будучи по природе сложными, в исчислении рассматривались бы как простые (Лейбниц, Федоров, 1984b: 515).

³⁵Еще Рудольф Ойкен отмечал, что идея *lingua universalis* и ориентация на создание новой, несиллогистической логики неразрывно связаны с развитием новой экспериментальной науки и математического естествознания (Eucken, 1879: 79).

- Гоббс Т. Основ философии часть первая. О теле / пер. с лат. Н. А. Федорова, А. Гутермана // Сочинения. В 2 т. Т. 1 / под ред., пер. с лат., примеч. и вступ. ст. В. В. Соколова. — М. : Мысль, 1989. — С. 66–219.
- Дальгарно Дж. Искусство знаков : или универсальный характер и философский язык... (гл. I–IV) / пер. с лат. Н. А. Осминской, Э. Б. Рахманкулова, Р. Д. Идрисовой, И. С. Онегина, В. А. Янина // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 8, № 2. — С. 331–382.
- Коменский Я. А. Великая дидактика / пер. с лат. Д. Н. Королькова // Избранные педагогические сочинения. В 2 т. Т. 1. — М. : Педагогика, 1982. — С. 242–476.
- Лейбниц Г. В. Размышления о познании, истине и идеях / пер. с лат. Э. Л. Радлова // Сочинения. В 4 т. Т. 3. — М. : Мысль, 1984а. — С. 101–107.
- Лейбниц Г. В. Элементы исчисления / пер. с лат. Н. А. Федорова // Сочинения. В 4 т. Т. 3. — М. : Мысль, 1984б. — С. 514–522.
- Осминская Н. А. «Алфавит человеческих мыслей» и проблема универсального письма в ранней философии Готфрида Вильгельма Лейбница // История философии в разных ракурсах : идеи, концепции, методы. К 70-летию Алексея Михайловича Руткевича / под ред. И. И. Блауберг. — М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2022. — С. 201–222.
- Осминская Н. А., Рахманкулов Э. Б. Неотменимость сомнения : сематология Джорджа Дальгарно и идея универсального языка в европейской философии середины XVII в. // Философия. Журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 8, № 2. — С. 303–330.
- Суарес Ф. Метафизические рассуждения, в которых систематически излагается вся естественная теология и тщательно обсуждаются вопросы, относящиеся ко всем двенадцати книгам «Метафизики» Аристотеля // Метафизические рассуждения. Рассуждения I–V / пер. с лат. Г. В. Вдовиной. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. — С. 221–653.
- Фома Аквинский. О сущем и сущности // Сочинения / пер. с лат. А. В. Апполонова. — М. : УРСС, 2004. — С. 134–191.
- Фома Аквинский. Сумма теологии. Т. II. Первая часть. Вопросы 65–119. Билингва латинско-русский / под ред. Н. Лобковица, А. В. Апполонова ; пер. с лат. А. В. Апполонова. — М. : Красанд, 2014.
- Chomsky N. Cartesian Linguistics : A Chapter in the History of Rationalist Thought. — New York, London : Harper & Row, 1966.
- Clauberg J. Iohannis Claubergii Metaphysica de ente, quae rectius ontosophia, Aliarum Disciplinary, ipsius quoque Iurisprudentiae & Literarum, studiosis accommodata. — Amsterdam : Elsevier, 1664.
- Cocchiarella N. Logic and Ontology // Axiomathes. — 2001. — Vol. 12. — P. 117–150.
- Conti A. D. A Realist Interpretation of the Categories in the Fourteenth Century : The Litteralis Sententia super Praedicamenta Aristotelis of Robert Alyngton // Medieval Commentaries on Aristotle's Categories / ed. by L. A. Newton. — Leiden : Brill, 2008. — P. 317–346.

- Eucken R.* Geschichte der philosophischen Terminologie im Umriss dargestellt. — Leipzig : Veit & Comp., 1879.
- Goclenius R.* Lexicon philosophicum, quo tanquam clave philosophiae fores aperiuntur. — Francofurti : Becker, 1613.
- Honnefelder L.* Scientia transcendens. Die formale Bestimmung der Seiendheit und Realität in der Metaphysik des Mittelalters und der Neuzeit. — Hamburg : Meiner, 1990.
- Howell W. S.* Logic and Rhetoric in England, 1500–1700. — New York : Russel & Russel, 1961.
- Kneepkens C. H.* Robert Kilwardby on Grammar // A Companion to the Philosophy of Robert Kilwardby / ed. by H. Lagerlund, P. Thom. — Leiden : Brill, 2013. — P. 17–64.
- Lamanna M.* Ontology between Goclenius and Suárez // Suárez's Metaphysics in Its Historical and Systematic Context / ed. by L. Novák. — Berlin, Boston : Walter de Gruyter, 2014. — P. 132–151.
- Lenzen W.* Leibniz's Logic // Handbook of the History of Logic. Vol. 3. Rise of Modern Logic : From Leibniz to Frege / ed. by D. Gabbay, J. H. Woods. — Amsterdam, Boston, Heidelberg : Elsevier, 2004. — P. 1–83.
- Lorchard I.* Liber De Adeptione Veri Necessarii, seu Apodictici. — Tübingen : Gruppenbach, 1597.
- Lorchard I.* Ogdoas scholastica continens Diagraphen Typicam Artium Grammatices Latina Graeca. Logices. Rhetorices. Astronomicas. Ethices. Physices, Metaphysices, seu Ontologiae. Ex Praestantium hujus temporis virorum lucubrationibus, pro doctrinae & virtutum studios a juventute confecta a Iacobo Lorhardo, Gymnasii Sangalensis Rectore & in Ecclesia Christi servo. — Apud Georgium Strave : Sangalii, 1606.
- Maat J.* Philosophical Languages in the Seventeenth Century : Dalgarno, Wilkins, Leibniz. — Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 2004.
- Medieval Commentaries on Aristotle's Categories / ed. by L. A. Newton. — Leiden : Brill, 2008.
- Newton L.* Duns Scotus's Account of a Propter Quid Science of the Categories // Medieval Commentaries on Aristotle's Categories / ed. by L. A. Newton. — Leiden : Brill, 2008. — P. 221–258.
- Nuchelmans G.* Judgement and Proposition : From Descartes to Kant. — Amsterdam, Oxford, New York : North-Holland Publishing Company, 1983.
- Øhrstrøm P., Andersen J., Schärfe H.* What Has Happened to Ontology // Conceptual Structures: Common Semantics for Sharing Knowledge. 3th International Conference on Conceptual Structures, ICCS 2005, Kassel, Germany, July 17–22, 2005, Proceedings (Lecture Notes in Computer Science, Lecture Notes in Artificial Intelligence, Vol. 3596) / ed. by F. Dau, M.-L. Mugnier, G. Stumme. — Berlin, Heidelberg : Springer, 2005. — P. 425–438.

- Øhrstrøm P., Uckelman S. L., Schärfe H.* Historical and Conceptual Foundation of Diagrammatical Ontology // Conceptual Structures: Knowledge Architectures for Smart Applications: 15th International Conference on Conceptual Structures, ICCS 2007, Sheffield, UK, July 22–27, 2007, Proceedings (Lecture Notes in Computer Science, Lecture Notes in Artificial Intelligence, Vol. 4604) / ed. by U. Priss, S. Polovina, R. Hill. — Berlin, Heidelberg : Springer, 2007. — P. 374–386.
- Ott W.* Locke's Philosophy of Language. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
- Pini G.* Reading Aristotle's Categories as an Introduction to Logic : Later Medieval Discussions about Its Place in the Aristotelian Corpus // Medieval Commentaries on Aristotle's Categories / ed. by L. A. Newton. — Leiden : Brill, 2008. — P. 145–181.
- Rosier-Catach I.* Roger Bacon and Grammar // Roger Bacon and the Sciences : Commemorative Essays / ed. by J. Hackett. — Leiden, New York, Köln : Brill, 1997. — P. 67–102.
- Salmon V.* The Study of Language in 17th-Century England. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1988.
- Slaughter M. M.* Universal Languages and Scientific Taxonomy in the Seventeenth Century. — Cambridge : Cambridge University Press, 1982.
- Strasser G. F.* Lingua Universalis : Kryptologie und Theorie der Universalsprachen im 16. und 17. Jahrhundert. — Wiesbaden : Harrassowitz, 1988.
- Subbiondo J. L.* Competing Models for a 17th Century Universal Language : A Study of the Dispute Between George Dalgarno and John Wilkins // History of Linguistics 2005: Selected Papers from the Tenth International Conference on the History of the Language Sciences (IC HoLS x), 1–5 September 2005, Urbana-Champaign, Illinois / ed. by D. A. Kibbee. — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins B. V., 2007. — P. 112–119.
- Ward S.* Vindiciae Academiarum, Containing, Some Briefe Animadversions upon Mr Websters Book, stiled, The Examination of the Academies. — Oxford : Leonard Lichfield, 1654.
- Wilkins J.* An Essay towards a Real Character and a Philosophical Language. — London : Samuel Gellibrand & John Marty, 1668.

Osminskaya, N. A. 2025. "Teoriya kategoriy v traktate Dzhordzha Dal'garno 'Iskusstvo znakov' [Theory of Categories in George Dalgarno's Treatise 'Ars signorum']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 9 (3), 335–362.

NATALIA OSMINSKAYA

PHD IN PHILOSOPHY

ASSOCIATE PROFESSOR

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-5259-5841

THEORY OF CATEGORIES IN GEORGE DALGARNO'S TREATISE "ARS SIGNORUM"

Abstract: The paper deals with logical and epistemological grounds of the universal philosophical language created by G. Dalgarno and presented in his "Ars Signorum" (1661). The author argues that the predicamental series established by Dalgarno as a basis for the Lexicon of his artificial language is much more consistent than it was supposed to be by several researchers (M. Slaughter, J. Maat). Thus, the first division of highest genus "being" (*ens, res*) into "abstract being" and "concrete being" indicates the difference between mental and extra-mental beings which was a common place in metaphysical works of that time elaborated under the nominalistic influence (for example, in Suárez's "Disputationes Metaphysicae"). Accordingly, an unusual and even striking trichotomous division of "ens" into "substance", "accident" and "concrete" offered by Dalgarno instead of the traditional dichotomous scheme is quite reasonable as far as the terms "substance" and "accident" indicate mental concepts that refer to "the most common respects of the things". The author concludes that Dalgarno's reform of predicamental series was aimed to refuse from scholastic essentialism and was deeply connected with Pansophia of J. Comenius. Thus, the main Dalgarno's point was to use as few radical words as possible in his Lexicon, because in this way a speaker could combine new words from them and so retain logical consistence of the whole speech, and it was the very same idea of Comenius that learning of languages should correlate with the investigation of things, so that the speaker should be able to think about the world order and about God as its first cause.

Keywords: Predicamental Series, Philosophical Language, Radical Words, Abstract Being, Nominalism, Metaphysics.

DOI: 10.17323/2587-8719-2025-3-335-362.

REFERENCES

- Appolonov, A. V. 2016. "'Spekulyativnaya grammatika' Fomy Erfurt-skogo i srednevekovaya lingvisticheskaya traditsiya [Speculative Grammar of Thomas von Erfurt and Medieval Linguistics]" [in Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Lomonosov Philosophy Journal], no. 6, 48–64.
- Aristotle. 1976. *Metafizika* [Metaphysics] [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya* [Collected Works], ed. by V. F. Asmus, trans. from the Ancient Greek by A. V. Kubitskiy, 63–369. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1978. "Ob istolkovanii [De interpretatione]" [in Russian]. In vol. 2 of *Sochineniya* [Collected Works], ed. by Z. N. Mikeladze, trans. from the Ancient Greek by A. V. Kubitskiy, 92–116. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.

- Arnauld, A., and P. Nicole. 1991. *Logika, ili iskusstvo myslit', gde pomimo obshchikh pravil sodержat-sya nekotoryye novyye soobrazheniya, poleznyye dlya razvitiya sposobnosti suzhdeniya* [*La logique ou l'Art de penser*] [in Russian]. Trans. from the French by V. P. Gaydamaka. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Bacon, F. 1971. "O dostoinstve i priumnozhenii nauk [De Dignitate et Augmentis Scientiarum]" [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya* [Works], ed. by A. L. Subbotin, trans. from the Latin by N. A. Fedorov, 85–546. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Chomsky, N. 1966. *Cartesian Linguistics: A Chapter in the History of Rationalist Thought*. New York and London: Harper & Row.
- Clauberg, J. 1664. *Iohannis Claubergii Metaphysica de ente, quae rectius ontosophia, Aliarum Disciplinarum, ipsius quoque Iurisprudentiae & Literarum, studiosis accommodata* [in Latin]. Amsterdam: Elsevier.
- Cocchiarella, N. 2001. "Logic and Ontology." *Axiomathes* 12:117–150.
- Comenius, J. A. 1982. "Velikaya didaktika [Didactica magna]" [in Russian]. In vol. 1 of *Izbrannyye pedagogicheskiye sochineniya* [Selected Pedagogical Works], trans. from the Latin by D. N. Korol'kov, 242–476. 2 vols. Moskva [Moscow]: Pedagogika.
- Conti, A. D. 2008. "A Realist Interpretation of the Categories in the Fourteenth Century: The Litteralis Sententia super Praedicamenta Aristotelis of Robert Alyngton." In *Medieval Commentaries on Aristotle's Categories*, ed. by L. A. Newton, 317–346. Leiden: Brill.
- Dalgarno, G. 2024. "Iskusstvo znakov [Ars signorum]: ili universal'nyy kharakter i filosofskiy yazyk... (gl. I–IV) [vulgo Character Universalis et Lingua Philosophica (I–IV)]" [in Russian], trans. from the Latin by N. A. Osminskaya et al. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 8 (2): 331–382.
- Eucken, R. 1879. *Geschichte der philosophischen Terminologie im Umriss dargestellt* [in German]. Leipzig: Veit & Comp.
- Goclenius, R. 1613. *Lexicon philosophicum, quo tanquam clave philosophiae fores aperuntur* [in Latin]. Francofurti: Becker.
- Hobbes, T. 1989. "Osnov filosofii chast' pervaya. O tele [Elementorum philosophiae sectio prima. De corpore]" [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya* [Collected Works], ed. and annot., with an introd., by V. V. Sokolov, trans. from the Latin by N. A. Fedorov and A. Guterman, 66–219. 2 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Honnfelder, L. 1990. *Scientia transcendens. Die formale Bestimmung der Seiendheit und Realität in der Metaphysik des Mittelalters und der Neuzeit* [in German]. Hamburg: Meiner.
- Howell, W. S. 1961. *Logic and Rhetoric in England, 1500–1700*. New York: Russel & Russel.
- Kneepkens, C. H. 2013. "Robert Kilwardby on Grammar." In *A Companion to the Philosophy of Robert Kilwardby*, ed. by H. Lagerlund and P. Thom, 17–64. Leiden: Brill.
- Lamanna, M. 2014. "Ontology between Goclenius and Suárez." In *Suárez's Metaphysics in Its Historical and Systematic Context*, ed. by L. Novák, 132–151. Berlin and Boston: Walter de Gruyter.
- Leibniz, G. W. 1984a. "Elementy ischisleniya [Elementa calculi]" [in Russian]. In vol. 3 of *Sochineniya* [Collected Works], trans. from the Latin by N. A. Fedorov, 514–522. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1984b. "Razmyshleniya o poznanii, istine i ideyakh [Meditationes de cognitione, veritate et ideis]" [in Russian]. In vol. 3 of *Sochineniya* [Collected Works], trans. from the Latin by E. L. Radlov, 101–107. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Lenzen, W. 2004. "Leibniz's Logic." In *Rise of Modern Logic: From Leibniz to Frege*, vol. 3 of *Handbook of the History of Logic*, ed. by D. Gabbay and J. H. Woods, 1–83. Amsterdam, Boston, and Heidelberg: Elsevier.

- Lorchard, I. 1597. *Liber De Adeptione Veri Necessarii, seu Apodictici* [in Latin]. Tübingen: Gruppenbach.
- Lorhard, I. 1606. *Ogdoas scholastica continens Diagraphen Typicam Artium Grammatices Latina Graeca. Logices. Rhetorices. Astrononices. Ethices. Physices, Metaphysices, seu Ontologiae. Ex Praestantium hujus temporis virorum lucubrationibus, pro doctrinae & virtutum studios a juventute confecta a Iacobo Lorhardo, Gymnasii Sangalensis Rectore & in Ecclesia Christi servo* [in Latin]. Apud Georgium Strave: Sangalii.
- Maat, J. 2004. *Philosophical Languages in the Seventeenth Century: Dalgarno, Wilkins, Leibniz*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Newton, L. 2008a. "Duns Scotus's Account of a Propter Quid Science of the Categories." In *Medieval Commentaries on Aristotle's Categories*, ed. by L. A. Newton, 221–258. Leiden: Brill.
- Newton, L. A., ed. 2008b. *Medieval Commentaries on Aristotle's Categories*. Leiden: Brill.
- Nuchelmans, G. 1983. *Judgement and Proposition: From Descartes to Kant*. Amsterdam, Oxford, and New York: North-Holland Publishing Company.
- Øhrstrøm, P., J. Andersen, and H. Schärfe. 2005. "What Has Happened to Ontology." In *Conceptual Structures: Common Semantics for Sharing Knowledge. 3th International Conference on Conceptual Structures, ICCS 2005, Kassel, Germany, July 17–22, 2005, Proceedings (Lecture Notes in Computer Science, Lecture Notes in Artificial Intelligence, Vol. 3596)*, ed. by F. Dau, M.-L. Mugnier, and G. Stumme, 425–438. Berlin, Heidelberg: Springer.
- Øhrstrøm, P., S. L. Uckelman, and H. Schärfe. 2007. "Historical and Conceptual Foundation of Diagrammatical Ontology." In *Conceptual Structures: Knowledge Architectures for Smart Applications: 15th International Conference on Conceptual Structures, ICCS 2007, Sheffield, UK, July 22–27, 2007, Proceedings (Lecture Notes in Computer Science, Lecture Notes in Artificial Intelligence, Vol. 4604)*, ed. by U. Priss, S. Polovina, and R. Hill, 374–386. Berlin and Heidelberg: Springer.
- Osminskaya, N. A. 2022. "Alfavit chelovecheskikh mysley' i problema universal'nogo pis'ma v ranney filosofii Gotfrida Vil'gel'ma Leybnitsa ['The Alphabet of Human Thoughts' and the Problem of Universal Writing in the Early Philosophy of Gottfried Wilhelm Leibniz]" [in Russian]. In *Istoriya filosofii v raznykh rakursakh [History of Philosophy in Various Perspectives] : idei, kontseptsii, metody. K 70-letiyu Alekseya Mikhaylovicha Rutkevicha [Ideas, Concepts, Methods. To the 70th anniversary of Alexei Mikhailovich Rutkevich]*, ed. by I. I. Blauberg, 201–222. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tsentr gumanitarnykh initsiativ [Centre of Humanities Enterprise Publishing].
- Osminskaya, N. A., and E. B. Rakhmankulov. 2024. "Neotmenimost' somneniya [Indefeasibility of Doubt]: sematologiya Dzhordzha Dal'garno i ideya universal'nogo yazyka v yevropeyskoy filosofii serediny xvii v.[George Dalgarno's Sematology and the Idea of a Universal Language in Mid-Seventeenth Century European Philosophy]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (2): 303–330.
- Ott, W. 2004. *Locke's Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pini, G. 2008. "Reading Aristotle's Categories as an Introduction to Logic: Later Medieval Discussions about Its Place in the Aristotelian Corpus." In *Medieval Commentaries on Aristotle's Categories*, ed. by L. A. Newton, 145–181. Leiden: Brill.
- Rosier-Catach, I. 1997. "Roger Bacon and Grammar." In *Roger Bacon and the Sciences : Commemorative Essays*, ed. by J. Hackett, 67–102. Leiden, New York, and Köln: Brill.
- Salmon, V. 1988. *The Study of Language in 17th-Century England*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

- Slaughter, M. M. 1982. *Universal Languages and Scientific Taxonomy in the Seventeenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Strasser, G. F. 1988. *Lingua Universalis: Kryptologie und Theorie der Universalssprachen im 16. und 17. Jahrhundert* [in German]. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Suárez, F. 2007a. "Metafizicheskiye rassuzhdeniya, v kotorykh sistematically izlagayet-sya vsya yestestvennaya teologiya i tshchatel'no obsuzhdayut-sya voprosy, odnosyashchiesya ko vsem dvenadtsati knigam 'Metafiziki' Aristotelya [Metaphysicarum disputationum, in quibus et universa naturalis theologia ordinate traditur, et quaestiones ad omnes duodecim Aristotelis libros pertinentes, accurate disputantur]" [in Russian]. In *Metafizicheskiye rassuzhdeniya. Rassuzhdeniya I–V [Disputationes metaphysicae, Disp. I–V]*, trans. from the Latin by G. V. Vdovina, 221–653. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy [St. Foma's Institute of Philosophy, Theology & History Publishing].
- . 2007b. *Metafizicheskiye rassuzhdeniya. Rassuzhdeniya I–V [Disputationes metaphysicae, Disp. I–V]* [in Russian]. Trans. from the Latin by G. V. Vdovina. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy [St. Foma's Institute of Philosophy, Theology & History Publishing].
- Subbiondo, J. L. 2007. "Competing Models for a 17th Century Universal Language: A Study of the Dispute Between George Dalgarno and John Wilkins." In *History of Linguistics 2005: Selected Papers from the Tenth International Conference on the History of the Language Sciences (IC HoLS x), 1–5 September 2005, Urbana-Champaign, Illinois*, ed. by D. A. Kibbee, 112–119. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins B. V.
- Thomas Aquinas. 2004. "O sushchem i sushchnosti [De ente et essentia]" [in Russian]. In *Sochineniya [Works]*, trans. from the Latin by A. V. Appolonov, 134–191. Moskva [Moscow]: URSS.
- . 2014. *Pervaya chast'. Voprosy 65–119. Bilingua latinsko-russkiy [Pars 1. Quaestio 65–119]* [in Russian]. Vol. II of *Summa teologii [Summa Theologica]*, ed. by N. Lobkovits and A. V. Appolonov, trans. from the Latin by A. V. Appolonov. Moskva [Moscow]: Krasand.
- Vdovina, G. V. 2007. "Sushcheye i real'nost' v metafizike Fransisko Suaresa [Being and Reality in Fransisco Suarez' Metaphysics]" [in Russian]. In *Metafizicheskiye rassuzhdeniya. Rassuzhdeniya I–V [Disputationes metaphysicae, Disp. I–V]*, by F. Suárez, trans. from the Latin by G. V. Vdovina, 87–221. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy [St. Foma's Institute of Philosophy, Theology & History Publishing].
- Ward, S. 1654. *Vindiciae Academiarum, Containing, Some Briefe Animadversions upon Mr Websters Book, stiled, The Examination of the Academies*. Oxford: Leonard Lichfield.
- Wilkins, J. 1668. *An Essay towards a Real Character and a Philosophical Language*. London: Samuel Gellibrand & John Marty.